

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-7-25

ОФОРМЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируются методологические основания и границы традиционных методологических подходов, существующих в рамках социологических теорий социального неравенства. В качестве главной проблемы указывается отсутствие в них методологического разделения агентности и структуры, что чаще всего превращает теорию социального неравенства в “социальную таксономию”.

На примере концепций П. Бурдьё и Э. Гидденса анализируются современные конструктивистские методологические подходы к анализу социального неравенства, связанные с разработкой понятий “социальные практики”, “символическая категоризация” в работах П. Бурдьё и “рефлексивная структуризация” в работах Э. Гидденса. Анализируются понятия “различения” и “стиль жизни” (П. Бурдьё). Демонстрируется ограниченность этих теорий, обусловленная отсутствием у них исторического измерения.

В статье указывается на необходимость анализа фундаментальных базисных практик повседневности, порождающих социальное неравенство. С этой целью представляется необходимым расширить сферу социологического анализа посредством введения исторической перспективы и анализа системы неравенства домодерновых обществ. В статье с опорой на исторические исследования анализируются подобные практики социального инклюзивного и эксклюзивного неравенства, связанные с различением свой/чужой на основе механизмов стигматизации, языка, религиозно-этнической традиции.

Ключевые слова: *неравенство, теория, методология, практики повседневности, стиль жизни, стигматизация, включение/исключение, свой/чужой.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01106 “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

THE FORMATION OF SOCIAL INEQUALITY IN THE EVERYDAY PRACTICES: THE HISTORICAL PERSPECTIVE

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The article analyzes the foundations methods and theoretical limits of the traditional sociological theories of social inequality. These theories do not distinguish methodologically between agence and structure. This makes such a theory of social inequality just a “social taxonomy”.

The theories of A. Giddens and P. Bourdieu are viewed as the contemporary theoretical and methodological constructivist approaches to social inequality. They are based on the notions of “social practices”, “symbolic categorization”, “distinction”, “life style” (P. Bourdieu) and “reflexive structuration” (A. Giddens). The analysis demonstrates the lack of historical dimension in these theories.

The article proves the need to analyze the basic everyday practices which give rise to social inequality. It is necessary to broaden the sphere of sociological research and use the historical perspective. It should also include as its object the system of social inequality in pre-modern societies.

The article strives to achieve this by analyzing such pre-modern social practices of social inequality as inclusion/exclusion based on mechanisms of stigmatization, language and ethnic-religions tradition.

Key words: *inequality, theory, methodology, everyday practices, life style, stigmatization, inclusion/exclusion.*

Теории социального неравенства являются фундаментальным компонентом любой теории общества и теории социального развития. Неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального неравенства. Именно эти обстоятельства делают теории социального неравенства неизменно актуальным компонентом социального дискурса.

Современные теории социального неравенства разрабатываются на основе различных методологических подходов и используют различный категориальный аппарат и понятийность. Вместе с тем, возможно вычлениить некоторые фундаментальные моменты, которые являются общими для всех этих теорий.

Прежде всего следует указать на то, что теории социального неравенства традиционно выстраивались и продолжают выстраиваться через соотнесение с целым обществом и поэтому предстают как макросоциологические конструкции. Эти конструкции по преимуществу укоренены в анализе структур экономических и поли-

тических отношений, статусных и стратификационных иерархий, а также опираются на различные системы статистических показателей, таких как образование, профессия, доход, тип труда или занятости: производительный — в случае с представителями рабочего класса, сервисный — в случае служащих, управленческий — от простого клерка до высшего менеджерского состава.

Результатом становится достаточно абстрактное изображение системы социального неравенства, являющееся продуктом “социально-картографической” деятельности социологов и соответствующее видению социального мира обычными агентами. Эта “социальная топография” или “картография” была связана с наивным представлением социологов о том, что речь идет о реальных и даже мобилизованных социальных группах агентов, спонтанно и естественно действующих и живущих в рамках этих групп и непосредственно отождествляющих себя с ними.

Данная наивная социологическая установка, не разделяющая структуру и агентность в теориях социального неравенства, просуществовала в социологии до 80-х гг. XX в. с опорой на “экономический фундаментализм”, включающий индивидов в систему неравенства на основе функционалистской парадигмы и на основе теории конфликта, имеющей политэкономическое происхождение.

Только в конце XX — начале XXI в. в социологии данный “наивный” подход, укорененный в субстанциально-органицистских и экономических объяснительных схемах, разработанных в социологической классике XIX — первой половины XX в., был потеснен новым конструктивистским методологическим трендом. Новая методологическая перспектива проявилась в равной мере в разработках новой социальной онтологии, связанной с концептуализацией теории практики и коммуникации, а также в переходе на новые принципы и модели социологического объяснения. В рамках теорий социального неравенства это выразилось прежде всего в отходе от субстанциалистского видения структур социальной дифференциации. Вопрос о том, что составляет основание социального неравенства, был дополнен вопросом о том, как люди производят и воспроизводят социальное неравенство в обычных практиках повседневной социальной жизни.

Одним из первых примеров такого переосмысления или поворота можно считать позицию Энтони Гидденса, заявленную им в работе “Классовая структура развитых обществ”¹. Именно в этой работе у Гидденса впервые появляется термин “структурация”, который довольно часто, как известно, использовался и используется во французской структуралистской традиции. Использование его Гидденсом

¹ Giddens A. The class structure of advanced societies. L.; N.Y., 1973.

в указанной работе было связано с задачей привлечь внимание к новизне взгляда на классовые отношения. Он стремился показать, что классы следует понимать не как сложившиеся субстанциальные образования, отношения между которыми и составляют структуру социального неравенства. Ситуация должна прочитываться иным образом. Структура социального неравенства является продуктом и результатом осознания социальными агентами существующих социальных отношений, выступающих “структурирующим” основанием для индивидуального определения принадлежности агента к той или иной социальной группе. Именно этот процесс индивидуального осознания и определения приводит к образованию реальных групп и классов, к формированию неравенства.

Именно поэтому Гидденс прибегает к замене термина “классовое сознание” термином “классовое осознание” и по существу совершенно по-новому пытается осмыслить то, что принято называть “субъективными моментами социальных отношений”. Суть этой попытки заключается в указании на то, что знание, рефлексивное осознание сложившихся социальных отношений конституирует социальные группы и отношения, а не просто воспроизводит их объективную данность.

Рефлексивность внутренне присуща субъектам и агентности в эпоху модерна. И именно эта черта субъекта действия и практик кладется Гидденсом в основание его теории структурирования социальных систем, институционализированными компонентами которых являются классы и социальное неравенство. Задача поэтому состоит в том, чтобы выявить этот процесс рефлексивного конституирования социальных отношений неравенства.

Аналогичным образом проблему построения теории социального неравенства видит Пьер Бурдьё. Он указывает на необходимость различения того “абстрактного изображения” социального мира, который создан социологическим воображением, с одной стороны, и пространства “повседневного существования с его дистанциями” — с другой. Эти пространства соотносятся, по мнению Бурдьё, как соответственно геометрическое пространство и годологическое пространство. Проблема состоит в том, что «стремясь ко все большей объективности, социологи почти всегда забывают, что классифицируемые ими “объекты” сами способны производить практики, объективно поддающиеся классификации, а кроме того, не менее объективные операции классифицирования, в свою очередь поддающиеся классификации. Разделение на классы, осуществляемое социологией, возводит к общему корню производимые агентами классифицируемые практики и классифицирующие суждения, которые они выносят относительно своих или чужих практик: в действительности габитус [habitus] является *порождающим принципом* [prinsipe générateur]

объективно классифицируемых практик и одновременно *системой классификации* [principium divisionis] этих практик»².

Сказанное требует новых подходов при построении теорий социального неравенства, разработка которых и была предложена Бурдьё. Бурдьё разработал два фундаментальных подхода и соответственно две концептуализации социального неравенства, которые можно определить как социальную таксономию/геометрию неравенства и символическую категоризацию/годологию социального неравенства.

Теорию “социальной таксономии” Бурдьё выстраивает на основе трех блоков. Первый блок выстраивается на основе теории социального поля как поля социально-статусных позиций, теории четырех видов капиталов (экономического, культурного, социального и символического как разновидности социального капитала) и теории габитуса. При этом он указывает, что экономический капитал и экономическое поле стремятся доминировать и навязать свою структуру другим полям, однако только символический капитал аккумулирует все другие виды капитала и именно в этой форме осуществляется их легитимация.

На базе знания пространства позиций можно, согласно Бурдьё, вычленить *классы* в логическом смысле этого слова. «Однако реально это не класс... в смысле группы, причем группы “мобилизационной”, готовой к борьбе... это лишь *возможный класс*»³. Классы, которые можно вычленить в социальном пространстве, не существуют как реальные группы, считает Бурдьё. Они лишь объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации, профсоюзные и политические движения и являются результатом “работы представления”, которая ведется социальными агентами.

Второй блок состоит в разработке теории “категоризации” и механизмов “работы представления”. Это работа по выработке категорий классификации. Она ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно *kategorothai*, от которого происходят категории и категоремы, означает “обвинить публично”»⁴. Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть

² Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 26.

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 18.

⁴ Там же. С. 24.

власть (символическая по своему источнику), образовывать группы, формируя здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает Бурдьё, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил. Символическая категоризация — это и есть переход от социальной геометрии к социальной географии.

Символическая работа по классификации социального пространства осуществляется в форме борьбы за классификацию. Поэтому социология не может заниматься “наукой классификации”, не занимаясь “наукой борьбы за классификацию”, и не учитывать в этой борьбе за власть борьбу за монополию рациональными средствами легитимного символического насилия, а также “позицию каждого агента или группы агентов, вовлеченных в эту борьбу”⁵.

Анализ борьбы за классификации проливает свет на политические притязания, следующие за гносеологическими притязаниями производить классификацию, притязаниями вербального проведения границ с помощью знаков, способных производить социальные различия, в частности производить группы.

Различия — это различия в стиле жизни и идентичности, которые реализуются в практиках “ведения жизни”, *во вкусе* — в потреблении (“дома, мебель, картины, книги, автомобиль, алкоголь, сигареты, духи, одежда”, а также “спорт, игры, культурные развлечения”), в “физическом строе” тел, носящих “символическое содержание”, в “дистанции от сфер необходимости”, “вкусе от нужды”, во “вкусе к роскоши”.

Бурдьё указывает три главных способа утвердить свое отличие — это “питание”, “внешность” и “культура”. При этом все три показателя наиболее полно находят свое выражение в “телесной схеме”. Вкус участвует в формировании тела класса. “Являясь инкорпорированным принципом классификации, который управляет всеми формами инкорпорирования, вкус выбирает и преобразует все, что тело поглощает, переваривает, усваивает, физиологически и психологически. Из этого следует, что тело есть наиболее неопровержимая объективация вкуса того или иного класса, который может обнаруживаться разными способами: прежде всего в самом естественном, что есть во внешности, т.е. в размерах (объем, рост, вес и т.д.) и в формах (круглых или угловатых, жестких или гибких, прямых или согнутых и т.д.), где тысячью разных способов выражается отношение к телу, иначе говоря, манера общаться с телом, ухаживать за ним, насыщать, поддерживать — манера, в которой проявляются наиболее глубинные

⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. С. 31.

диспозиции габитуса... Предпочтения в сфере питания... телесные навыки в работе и в отдыхе определяют распределение телесных свойств между классами”⁶.

Пространства тел различных классов, подчеркивает Бурдые, в своей специфической логике воспроизводят структуру социального пространства как пространства стилей жизни.

Стили жизни воплощают практики, ткущие “пространство отношений”, производят и воспроизводят социальное неравенство как пространство, являющееся продуктом практик символической категоризации. Именно в ориентации на исследование этих практик символической категоризации, опирающихся на культуру, знание, идеологию, и состоит разворот социологических теорий неравенства, призванных ответить на вопрос, как *производится* социальное неравенство.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Дело в том, что указание на рефлексивную структуриацию Э. Гидденсом или практики символической категоризации П. Бурдые не решает проблемы выявления специфической интенциональности, лежащей в основе практик, ориентированных на создание неравенства. Практик различения гораздо больше, чем практик, ориентированных на создание социального неравенства. Кроме того, практики различения связаны с уже существующей системой социального неравенства, они осуществляются габитусом как “инкорпорированной структурой”.

Для того чтобы вычленил специфические практики, ориентированные на социальное неравенство, необходимо разделить вопрос о том, как генерируется социальное неравенство, и вопрос о том, как оно воспроизводится. Это означает, что необходимо выявить базовые, фундаментальные практики и формы социального неравенства. Без обращения к историческому материалу это сделать невозможно.

И здесь мы выходим еще на одну черту современной социологической теории неравенства, которую следует рассматривать как серьезное методологическое ограничение.

Дело в том, что социологические теории социального неравенства до сих пор выстраиваются в нововременной, или модерновой перспективе. Это означает, что базовая схема социального неравенства соотносится с промышленным, капиталистическим обществом, имеющим форму национального государства. Соответственно и исследование социальных практик повседневности, ориентированных на создание и воспроизводство социального неравенства, осуществляется в этой перспективе и в ее институциональных измерениях. Однако осуществленная в рамках конструктивистских подходов переформулировка проблемы социального неравенства и переход

⁶ Бурдые П. Различение: социальная критика суждения. С. 38–39.

к таким понятиям, как “практики”, требуют расширения горизонта и введения исторической перспективы и источниковедческой базы, созданной в рамках современной социальной истории.

Как показывают современные исследования в области социальной истории, становление обществ модерна в их национально-государственной форме было не единственным процессом социального и исторического развития западных обществ. Национально-государственным образом организованные общества модерна оформились на основе территориально-монархических образований европейского феодализма. Но помимо этого процесса в рамках истории развития европейских обществ развивался процесс урбанизации и становления развитой системы европейских городов, существующих в форме корпоративным образом организованных многонациональных сообществ, в которых оформлялись свои структуры неравенства и свои практики их производства и воспроизводства.

Этот процесс становления городов, как об этом свидетельствуют современные социально-исторические исследования, оказался не менее значимым в плане становления западной цивилизации, чем процесс феодализации, приведший к оформлению национальных государств.

Западно-европейская модель города сформировалась в XII–XIII вв. и предполагала наделение правами и льготами самого города и его населения. К XII в. уже существовал «стандартный набор нормативных положений... базовые принципы городских свобод, такие как статус свободного города, освобождение от пошлин, наделение монополиями, до определенного предела, правами в экономической жизни. Все эти моменты были неотъемлемой составной частью понятия инкорпорированного города... Один город мог заимствовать у другого целые структуры, ведающие вопросами городского управления, гражданским и уголовным судопроизводством и регламентацией хозяйственной жизни. Результатом становилось рождение целых семейств городов, т.е. групп городских поселений, чья жизнь регламентировалась законами по образу и подобию “матери городов”»⁷. В результате сформировалась международная сеть городов, составивших мощную альтернативу феодальным системам. При этом: “Распространение единых судебно-правовых норм от родительных городов к дочерним по торговым путям и дорогам переселенцев шло более активно, нежели внутри узких границ монархических владений”⁸.

В городах, как уже было сказано, формировались свои системы неравенств и свои практики их осуществления. Эти неравенства

⁷ *Бартлетт Р.* Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М., 2007. С. 191.

⁸ Там же. С. 195.

определялись многими процессами. Главным, пожалуй, был миграционный фактор. Для того, чтобы стать городами в экономическом, а не только в юридическом плане, городам эпохи высокого Средневековья был необходим приток иммигрантов. Роберт Бартлетт, например, указывает, что средневековые города представляли собой иммигрантские образования и приводит в качестве примера указ Альфонса VI, зафиксированный “Саагунской хроникой” (начало XII в.). В рамках хроники зафиксирован указ о том, что следует основать город, собрав “гасконцев, бретонцев, германцев, англичан, бургундцев, нормандцев, тулузцев, провансальцев и ломбардцев, и многих других торговцев разных наций и языков”⁹.

В таких иммигрантских городах межэтнические отношения становились фундаментальным основанием для оформления практик неравенства. Для классификации этнических различий, как указывает Бартлетт со ссылкой на канониста Регино Прюмского (примерно 900 г.), использовались четыре критерия. “Разные нации, — пишет он, — отличаются друг от друга происхождением, нравами, языком и законом”¹⁰. При этом, по мнению Бартлетта, для эпохи Средних веков наиболее важными являются нравы, язык и закон.

Нравы, обычаи касались одежды, домашних устоев, привычек в еде, причесок, выступали как отличия одних этносов от других и были основанием для самоидентификации.

Нравы, на основе которых различные этнические и культурно-религиозные группы формировали свою идентичность, становились также и самым визуально точным основанием для идентификации их другими. Внешний облик, прическа, головной убор, костюм, присутствующие в костюме и облике религиозные символы, кухня, запахи, этика, внутригрупповое взаимодействие, профессия и профессиональная этика и поведение — все это становится основанием для оформления социальных чувств, предрассудков как религиозного, так и телесного характера, для возможной стигматизации.

Ричард Сеннет указывает, например, на оформившуюся в Венеции XVI в. “географию угнетения”, связанную с сегрегацией различных этнических групп на основании страха перед их инаковостью. “Разнообразие воспринималось как дефект и внушало страх: албанцам, туркам, грекам и западным христианам вроде немцев были отведены особые тщательно охраняемые здания или кварталы. Разнообразие казалось пугающим, но одновременно и соблазнительным. Сгоняя евреев в Гетто, венецианцы искренне верили, что таким образом локализуют недуг, поразивший христианскую общину: именно евреев они в наибольшей степени отождествляли с вредоносными

⁹ Бартлетт Р. Указ. соч. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 217.

телесными пороками”¹¹. Сегрегация и геттоизация стали одними из фундаментальных практик повседневности, ориентированных на установление стигматизированного социального неравенства, устанавливаемого на основе различия “свой — чужой”.

Сегрегация и геттоизация сопровождалась выстраиванием соответствующих ксенофобных идеологий, на основе которых и реализовывались данные практики. Речь идет не только об антисемитизме, но и многих других идеологических образованиях, например, об острой неприязни к немцам, оформившейся на востоке Европы и носящей патологические ксенофобные формы. Бартлетт приводит выдержки, свидетельствующие об этом, из краткого латинского трактата чешского автора под названием “De Theotonicis bonum dictamen” (1325–1350 гг.). Автор утверждает, что когда после строительства Вавилонской башни по земле расселились разные народы, “немцы были причислены к рабской расе, не имеющей своей земли и обреченной служить другим народам... Постепенно, однако, немцы захватили себе и землю, и все привилегии свободной нации... Эта ловкая и лживая нация проникла в самые плодородные угодья, лучшие фьеры, богатейшие владения и даже в княжеский совет... ни один сколь-нибудь искушенный человек не усомнится в том, что немцы — это волки в овечьем стаде, мухи на блюде с едой, змеи — на груди, распутницы в доме”¹².

Особое место в системе межэтнических отношений, построенных по принципу “свой — чужой”, принадлежит языку. В многоэтнических городах налицо было двуязычие или плюрализм языков, однако следует понимать, что разные языки имели различный статус, что соответственно определяло и статус языковых групп. Языки были более или менее “престижны” в силу политического или экономического преимущества их носителей. “В частности все более широкое распространение получали романо-германские языки, носители которых осуществляли активную экспансию и отвоевывали все новые территории, тогда как кельтские, славянские, балтийские и арабские языки и наречия постепенно отступали”¹³. Языковая экспансия носила отчетливый колониальный оттенок, и распространение немецкого или французского языка как языка экспансионистов ставило в привилегированное положение носителей этих языков. Однако местные языки оказывали сопротивление, возрождались, противостояние языков имело серьезные последствия, такие как оформление языкового национализма и межэтнические конфликты.

¹¹ Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016. С. 263.

¹² Бартлетт Р. Указ. соч. С. 260–261.

¹³ Там же. С. 221.

Все эти факты приводятся Бартлеттом в качестве примера практик, устанавливающих неравенство в европейских домодерновых обществах. Они формируются преимущественно на религиозной и этно-языковой основе. При этом этническая принадлежность определялась и правовой системой — готской, франкской или римской. Правовой статус лежал в основе осознания и формирования этнической идентичности. Социальный порядок в результате складывался на основе разного подхода к представителям различных религиозно-этнических групп и носил явно выраженный плюралистический этно-правой характер, характер различия. Практика судопроизводства, которая была основана на этническом принципе, отражала соотношение сил между различными этническими группами и фактически выступала практикой не реализации существующего неравенства, а его созидания.

Начиная с XIV в. в Европе началось нарастание биологической версии национализма, которая потеснила языковую, религиозную, правовую. Это выразилось в оформлении новых практик установления неравенства. Например, появились запреты представителям отдельных национальностей занимать определенные должности или быть членом определенных групп, в том числе профессиональных; оформились практики, запрещающие смешанные браки, дискриминации и недопущения ассимиляции переселенцев, запрета на использование какого-то определенного языка и имен. В рамках этого национализма оформились свои стигматизирующие практики, которые были востребованы затем становящимися национальными государствами и приобрели впоследствии форму государственной социальной и национальной политики.

Подобные исторические свидетельства и исторические исследования позволяют выйти за рамки “картографического” построения структур социального неравенства и исследовать базовые механизмы оформления социального неравенства на уровне повседневных социальных практик, осознанно ориентированных на такую задачу. Таких практик, как уже было продемонстрировано, существует достаточно много. Среди них можно выделить наиболее часто встречающиеся. Такими практиками являются практики стигматизации, лингвистической категоризации, обрядовые практики, правовые практики.

Эти практики, являющиеся практиками повседневности, в рамках теорий социального неравенства до сих пор не получили адекватного анализа. Причинами этого является не только доминирующие в теориях социального неравенства “экономический фундаментализм” или “ресурсная перспектива”, но и очевидная недооценка роли исторического знания как источниковедческой базы в процессе построения социологических теорий.

Стигматизация и категоризация

Стигматизация и символическая категоризация являются, пожалуй, наиболее древними механизмами установления социального неравенства.

Стигма [stigma] — термин греческого происхождения, означающий “пятно”. Стигматизация изначально использовалась как практика нанесения различного рода телесных знаков, должных продемонстрировать моральный или социальный статус индивида, его ранг.

Первоначально стигматизации подвергались рабы, преступники. Практики стигматизации, однако, шире, чем простое использование телесных знаков в качестве механизма установления социального неравенства. Опираясь на исследование этого явления, осуществленное Гербертом Спенсером, можно утверждать вслед за ним, что практики стигматизации в форме различного рода изуродований — отрезание различных частей тела у пленника, указывающее на его порабощение, его рабскую принадлежность, например, пальцев рук, носов, ушей, выбивание зубов — все это различного рода практики социального контроля, которые являются одним из механизмов формирования социального неравенства и лежат в основе формирования классов. Изуродование как практика стигматизации символически закрепляет социальное неравенство и является компонентом фундаментального и исторически первого института социального контроля — института обряда.

Спенсер при этом убежден, что контроль посредством обрядовых правил, будучи самым древним и предшествующим политическому и религиозному контролю, “всегда принимал, и теперь принимает, наибольшее участие в регулировании жизни людей”¹⁴.

Спенсер имел в виду не только древние, но и общества середины XIX в., однако это же можно сказать и о современных обществах конца XX — начала XXI в. И речь идет не только о практиках изуродования, которые можно наблюдать в современных молодежных контркультурах и профессиональных субкультурах, а также в низших классах, примером чего могут служить столь широко распространенные татуировки, неприемлемые в среде высших классов. Эти легкие изуродования продолжают нести на себе символическую память практик стигматизации, унаследованных от “военных обществ” и даже от обществ классического модерна — татуирование матросов, наложение клейма на дезертиров, преступников, обривание головы у преступников (достаточно вспомнить опыт обривания головы французским женщинам, обвиненным в коллаборационизме).

¹⁴ Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. СПб., 1892. С. 341.

Вместе с тем, обрядовые практики стигматизации далеко не исчерпывают весь арсенал обрядовых практик, оформившихся в домодерновых обществах и ориентированных на установление контроля, власти, неравенства, ранга. Возвращаясь к Спенсеру, можно указать, например, на взятие трофеев, из которых вырос современный принцип компенсации при нанесении вреда, и даже современный принцип справедливости; на дань, из которой вырос современный обычай дарить подарки, как способ выражения признания и преданности; на “визит”, который и сейчас используется и как “почтительный обряд” и как акт вежливости; на приветствия и на формы обращения, которые имели чрезвычайно разработанную ритуализированную форму, целью которой было подчеркивание ранга и выражение покорности; на титулы, которые непосредственно фиксировали ранг и статус, на знаки отличия и одежду. Все эти обрядовые практики сохранились в современных обществах, они вписаны в системы социального взаимодействия непосредственным образом и используются в системах административных и управленческих отношений для фиксации отношений неравенства, ранга, статуса, а также в системах повседневных взаимодействий для демонстрации социального признания и самопрезентации.

Практики стигматизации, имеющие очень долгую и богатую историю, самым широким образом использовались не только в качестве системы контроля и выстраивания иерархизированного порядка, но и стали одним из механизмов образования социальных групп и даже классов. Речь идет о практиках повседневности, которые формируют посредством механизмов стигматизации базовые индивидуальные социальные неравенства. В работах Мишеля Фуко, например, мы находим множество подобных примеров.

Эти практики стигматизации произрастают из первоначальных практик изоляции больных лепрой и венерическими заболеваниями, внушавших ужас, провоцирующих использование магических обрядов очищения в отношении изгоняемых из общества и заключаемых в закрытые учреждения. Однако, как указывает Фуко, «исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей, — однако все эти структуры останутся неизменными. Обычай исключения из сообщества встретятся нам и через два-три столетия, зачастую в тех же самых местах. Роль, когда-то принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и “повредившиеся в уме”»¹⁵.

Фуко, исследуя исторические формы и становление социального контроля в качестве фундаментальных механизмов, рассматривает практики изоляции и изгнания. Первоначально эти практики были

¹⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 15.

связаны с медицинскими обстоятельствами жизни и задачами биологического выживания — эпидемиями лепры, чумы, венерических заболеваний, а также безумия. Эти практики можно рассматривать как первоначальные практики медицинской стигматизации. Безумие занимает в ряду этих практик особое место. В Средние века оно рассматривается в горизонте пороков и Божьей кары, его изображение помещают среди “дурных воинов Психомахии”, оно составляет контроверзу такой добродетели как “осмотрительность”. По отношению к умалишенным поступают не менее жестко, чем к больным проказой или венерическими заболеваниями — их изгоняют и они становятся пассажирами плывущих по волнам “Кораблей дураков”. Эта практика поражает воображение современников. “С наступлением эпохи Ренессанса, — пишет Фуко, — область воображаемого пополняется новым объектом, который вскоре займет в ней особое место: это Корабль дураков, загадочный пьяный корабль, бороздящий тихие воды притоков Рейна и фламандских каналов”¹⁶. Восходя, как считает Фуко, к легендам об аргонавтах, этот “литературный конструкт” получил широкое распространение в XV–XVI вв. в литературе. “И конечно, ко всей этой вымышленной флотилии принадлежит знаменитое полотно Босха”¹⁷. Однако речь идет не только о художественных полотнах, романах и памфлетах, “такие корабли, заполненные сумасшедшими и перевозившие свой необычный груз из города в город, были на самом деле”¹⁸. Города изгоняли сумасшедших, передавали их морякам. Как считает Фуко, “Корабли дураков” в известном смысле были кораблями паломников — часто безумцев провозили как паломников и плавание для них обретало в высшей степени символический смысл: умалишенные отправлялись на поиски своего разума. Плавание — это ритуал изгнания, означающий строгую изоляцию и одновременно являющийся воплощением “переходного статуса” и “пограничного” положения безумца. Однако это будет касаться не только безумцев. Практики стигматизации расширятся.

Бедность, бездомность, делинквентность, болезнь станут стигмами, на основе которых будут спонтанным образом формироваться в рамках повседневности практики установления неравенства. В XVII в. будут созданы изоляторы для умалишенных (в 1656 г. был подписан декрет о создании Общего госпиталя в Париже), в которых сумасшедшие “смешаются” с обитателями работных домов и каторжных тюрем. Под одной крышей окажутся бедняки, бродяги, бездомные, преступники и умалишенные. Как указывает

¹⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 18.

Фуко, “еще никто и никогда не задавался целью точно определить их статус и уяснить смысл подобного соседства под одной крышей бедняков, безработных, преступников и умалишенных”¹⁹. На наш взгляд, можно сделать, как минимум, следующий вывод: медицинские практики изоляции и стигматизации стали практиками социальной стигматизации, широко использующимися в современности. Мы и сейчас, как свидетельствует, например, Ирвинг Гофман, при встрече с незнакомцем “можем заметить свидетельства того, что он обладает неким качеством, отличающим его от других людей его категории и являющимся нежелательным для него: если взять крайний случай, то этот человек может быть основательно испорченным, опасным или слабым. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного). Подобное качество — это и есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии; порою его называют также недостатком, увечьем, дефектом”²⁰.

Термин “стигма” используется Гофманом для обозначения “качества, выдающего какое-то постыдное качество индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него”²¹.

Гофман выделял три типа стигмы, существенно различающихся между собой. Первый тип — это телесное уродство, различного рода физические отклонения. Второй тип связан с недостатками индивидуального характера: “...слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или костные убеждения, бесчестность; о них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попыток самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму”²². Третий тип — это “родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи”²³.

Стигма, согласно Гофману, является основанием для дискриминации и соответственно способствует уменьшению жизненных шансов индивида. Стигматизирование осуществляется на основе конструирования “теории стигмы, то есть символической категоризации” или идеологии, призванной обосновать “неполноценность и объяснить опасность”, которую несет носитель стигмы, т.е. стиг-

¹⁹ Фуко М. Указ. соч. С. 63.

²⁰ Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. URL: www.HSE.ru/Data2011/11/15. С. 2–3.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же.

матизируемый, а также оправдать “враждебность” по отношению к нему, которая возникает на основании других его отличий, например, его принадлежности к определенному социальному классу. «В повседневной речи мы используем особые термины для обозначения стигмы (такие как “калека”, “ублюдок”, “кретин”) в качестве образного выражения... Мы склонны приписывать человеку длинный ряд несовершенств на основе какого-то одного исходного несовершенства»²⁴.

Кроме того, мы склонны интерпретировать защитную реакцию стигматизированного как проявление его дефекта (стигмы), а затем воспринимать его дефект и реакцию на него как “расплату” за то, что “совершил он сам, его родители или его племя”²⁵ и что оправдывает наше поведение по отношению к нему.

Исследования повседневных практик стигматизации свидетельствуют о их неискоренимости. Это древние практики, которые возможно в смягченном варианте и без политических следствий, но продолжают существовать в современности. Эти древние практики стигматизации служили опознавательными стигмами “свой — чужой” и появились как первичные формы различения и дифференциации, с одной стороны, и внутренней консолидации — с другой. В современности востребованы практически все они, особенно те, которые связаны с такими основаниями включения/исключения как религия, раса, этнос, половая принадлежность.

Дискуссионный вывод, который следует сделать из анализа современных теорий социального неравенства состоит, на наш взгляд, в том, что социология должна осуществить поворот в исследованиях социального неравенства от политико-идеологического горизонта равенства и справедливости к исследованию неравенства как системы фундаментальных специализированных практик, ориентированных на формирование социального порядка в виде социальных иерархий и различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М., 2007.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.

Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

Вершинина И.А. Город в пространстве социального неравенства // Социология. 2012. № 2. С. 66–76.

²⁴ *Гофман И.* Указ. соч. С. 4–5.

²⁵ Там же. С. 5.

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: Обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (Главы 3–6). URL: www.HSE.RU/Data2011/11/15

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук. М., 2011.

Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2016.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–26.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Мартыненко Т.С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 391. С. 97–101.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.

Осипова Н.Г. Источники и виды социального неравенства // Общая социология. Основы современной социологической теории / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2017. С. 246–268.

Полякова Н.Л. Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 5–28.

Полякова Н.Л. Теория социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19–43.

Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998.

Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Говарда Коллинса с предисловием Герберта Спенсера. М.; СПб., 1892.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2015.

REFERENCES

Bartlett R. Stanovlenie Evropy. Ekhspansiya, kolonizaciya, izmeneniya v sfere kul'tury. 950–1350 [Formation of Europe. Expansion, colonization, changes in culture. 950–1350]. М., 2007 (in Russian).

Bodriyyar Z.H. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer Society. His myths and structures]. M., 2006 (in Russian).

Burd'e P. Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya [Discrimination: A Social Critique of Judgment] // *Ehkonomicheskaya sociologiya*. 2005. T. 6. N 3. S. 25–48 (in Russian).

Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. M.; SPb., 2005 (in Russian).

Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Featherstone M. Consumption and life-style // *Journal of Consume Culture*. N.Y., 2001. Vol. 1. P. 40–62.

Filosofiya Gerberta Spensera v sokrashchenom izlozhenii Govarda Kollinsa s predisloviem Gerberta Spensera [The philosophy of Herbert Spencer in an abridged version of Howard Collins with a preface by Herbert Spencer]. M.; SPb., 1892 (in Russian).

Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehpochu [The History of Madness in the Classical Era]. M., 2010 (in Russian).

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [To oversee and punish: the birth of a prison]. M., 2015 (in Russian).

Gofman I. Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoj identichnost'yu. Chast' 1. Stigma i social'naya identichnost'. Chast' 2. Kontrol' nad informaciej i social'naya identichnost' (Glavy 3–6) [Stigma: Notes on the Management of Corrupted Identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Control of Information and Social Identity (Chapters 3–6)]. URL: www.HSE.RU/Data2011/11/15 (in Russian).

Kimelev Yu.A. "Sub"ekt" i "sub"ektivnost'" v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii ["Subject" and "Subjectivity" in Modern Western Social Philosophy]. M., 2006 (in Russian).

Kimelev Yu.A. Metodologiya social'nyh nauk [Methodology of social sciences]. M., 2011 (in Russian).

Kimelev Yu.A. Filosofiya i sociologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodejstviya [Philosophy and sociological theory. Spheres of interaction]. M., 2016 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Filosofiya social'nyh nauk [Philosophy of social sciences] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 1. S. 20–26 (in Russian).

Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modern i process individualizacii: is-toricheskie sud'by individa moderna [Modern and the process of individualization: the historical fate of the individual modern]. M., 2017 (in Russian).

Martynenko T.S. Global'naya sociologiya G. Terborna: teoriya social'nyh neravenstv [Terborn's Global Sociology: Theory of Social Inequalities] // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. 2015. N 391. S. 97–101 (in Russian).

Müller H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neue theoretische Diskurs uber soziale Ungleichheit. Fr. a/M., 1997.

Osipova N.G. Neravenstvo v ehpochu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 2. S. 22–46 (in Russian).

Osipova N.G. Istochniki i vidy social'nogo neravenstva [Sources and types of social inequality] // *Obshchaya so-ciologiya. Osnovy sovremennoj sociologicheskoy teorii* / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2017. S. 246–268 (in Russian).

Osipova N., Polyakova N., Dobrinskaya D., Vershinina I., Martynenko T. Social inequality: Recent Trends — Poute // *La Nuova Italia Editrice*. 2017. T. 73. N 5. P. 259–273.

Polyakova N.L. Social'noe neravenstvo v sociologicheskikh teoriyah vtoroj poloviny XX v. Oformlenie konstruktivistskoj perspektivy [Social inequality in sociological theories of the second half of the twentieth century. Making a constructivist perspective] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2015. N 1. S. 5–28 (in Russian).

Polyakova N.L. Teoriya social'nogo neravenstva v sociologii XX v. Transformaciya klassiki [The theory of social inequality in the sociology of the twentieth century. Transformation of the classics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 4. S. 19–43 (in Russian).

Sassen S. Territory, authority, rights: from Medieval to Global assemblages. Princeton; Oxford, 2006.

Sen A. Inequality reexamined. Cambridge, 1992.

Sennet R. Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii [Flesh and stone. Body and city in western civilization]. M., 2016 (in Russian).

Spenser G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie [Experiments scientific, political and philosophical]. Minsk, 1998 (in Russian).

Terborn G. Globalizaciya i neravenstvo: problemy konceptualizacii i ob'yasneniya [Globalization and Inequality: Problems of Conceptualization and Explanation] // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2005. T. 4. N 1. S. 31–62 (in Russian).

Terborn G. Inequalities of the world: new theoretical frameworks, multiple empirical approaches. L., 2006.

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo v sovremennom mire: Obzor mezhdunarodnyh dokladov [Inequality in the Modern World: A Review of International Reports] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2016. N 3. S. 74–91 (in Russian).

Vershinina I.A. Gorod v prostranstve social'nogo neravenstva [City in the space of social inequality] // *Sociologiya*. 2012. N 2. S. 66–76 (in Russian).